

Д. Ю. Нужный, Н. Д. Праслов, М. В. Саблин

**ПЕРВЫЙ СЛУЧАЙ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ
УСПЕШНОЙ ОХОТЫ
НА МАМОНТА В ЕВРОПЕ
(СТОЯНКА КОСТЕНКИ 1, РОССИЯ)**

Вопрос о возможности охоты на мамонта человеком верхнего палеолита до сих пор актуален в проблематике изучения палеолита Европы и Северной Азии, учитывая наличие массовых скоплений костей этого животного на поселениях. Существуют две основные гипотезы об использовании человеком данного биоресурса. Первая связана с идеей утилизации законсервированных в вечной мерзлоте туш хоботных, которые накапливались в местах их природной гибели в старицах рек или устьях балок. Вторая отстаивает теорию об активной охоте на мамонта, что и привело к исчезновению этого вида на рубеже плейстоцена и голоцена. Одним из основных последователей первой концепции были В.И. Громов (Громов, 1948, с. 481–502) и Н.К. Верещагин (Верещагин, 1981, с. 22–30, 136). Позже эта точка зрения была поддержана О. Соффер (Соффер, 1993, с. 101–106) на основании сравнения статистики половозростного состава слонов в Африке с мест природных кладбищ с фаунистическими остатками мамонта из верхнепалеолитических «жилищ» стоянок Среднего Поднепровья.

Последовательными сторонниками противоположной гипотезы были И.Г. Пидопличко, С.Н. Бибииков и П.И. Борисковский, которые полагали, что фаунистические остатки хоботных на верхнепалеолитических поселениях являлись результатом активной охоты на животных, и даже на основе суммарного объема мяса, добытого охотниками, производили расчеты времени существования этих поселений (Пидопличко, 1969, с. 151–154; Бибииков, 1969, с. 151–154; Борисковский, 1953, с. 207, 208). В современной литературе признается как существование практики сбора костей с естественных мест гибели мамонтов для строительных и других нужд палеолитического населения (например, топлива и изготовления орудий труда), так и возможность существования активной охоты на этих животных (Нужный, 1997, с. 18–21; Жермонпре, Саблин, Хлопачев, Григорьева, 2008, с. 108–110). Эпиграветтские стоянки Семеновка 1 и 2, раскопанные в бассейне рек Трубеж и Недра Киевской области, иллюстрируют сбор отсортированных больших костей мамонта в тальвеге балки в комплексе с охотничьим лагерем, расположенным выше по террасе, где мамонт был представлен в основном

фрагментами ребер (Нужный, 1997, с. 3–22; Нужный, Ступак, Шидловский, 2000, с. 123–136). Исчезновение мамонта как вида в результате активной охоты, а не экологических изменений последовательно отстаивают и ряд палеозоологов (Пучков, 2010, с. 456–475). В основе этой дискуссии лежал непреложный факт отсутствия прямых свидетельств убийства этих животных человеком верхнего палеолита в Европе и Северной Азии. Между тем подобные свидетельства были серийно зафиксированы на целом ряде палеоиндейских местонахождений в Северной Америке, где мамонтов убивали с помощью копий и дротиков, оснащенных кремневыми наконечниками типа Кловис, с использованием также различных природных и искусственных оград, заслонов и западней (Frison, 1989, p. 766). Этот факт вызывал некоторое удивление, поскольку техническая оснащенность разнообразным метательным вооружением верхнепалеолитического населения Европы и Северной Азии значительно превосходила техническую оснащенность палеоиндейских охотников Северной Америки. Лишь в последнее время ситуация изменилась, и в Старом Свете также появились находки прямых свидетельств активной охоты на мамонтов, происходящие с территории Сибири (Шикаевка 2 и Луговское). Публикации первого подобного свидетельства на территории Европы (граветтская стоянка Костенки 1) и посвящена настоящая статья.

У большинства специалистов сам факт возможности охоты на мамонта верхнепалеолитическим человеком не вызывает сомнения. В работах современных авторов обсуждаются лишь вопросы о возможных методах охоты на этих животных, некоторые из которых мы рассмотрим ниже.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Уникальная находка фрагмента ребра мамонта с торчащим в ней фрагментом кремневого наконечника была найдена Н.Д. Прасловым в верхнем слое верхнепалеолитической стоянки Костенки 1 в Воронежской области (комплекс № 2). Этот слой характеризуется индустрией позднего восточного граветта и сейчас достаточно уверенно датируется в пределах 22–24 тыс. л.н. (Праслов, Рогачев, 1982, с. 62). В литературе данная находка была лишь вскользь упомянута в тезисах конференции, которая проходила в 1990 г. в Бельгии (Praslov, 2000, p. 37).

Кремневый комплекс этого слоя достаточно известен в литературе и опубликован монографически в конце 1950-х годов (Ефименко, 1958). Он включает выраженную пластинчатую индустрию с угловыми и серединными резцами на пластинах, поперечные резцы типа «корбияк», реже — с боковыми их формами, скребки концевые типа на пластинах часто с ретушью по боковым сторонам и так называемые «ножи костенковского типа», которые представляют собой фрагменты достаточно массивных пластин с вентральной подтеской с торцов и обработкой боковых сторон дорсальной полукрутой ретушью. Набор метательного вооружения типичен для позднего

восточного граветта: наконечники с боковой выемкой на пластинах различных размеров, симметричные острия на достаточно массивных пластинах, обработанных полукрутой ретушью, граветтские острия, прямоугольники различных размеров и их фрагменты.

Проблема функционального назначения наконечников с боковой выемкой восточнограветтских индустрий достаточно активно обсуждалась в литературе начиная с конца 1950-х годов. Благодаря трасологическому анализу они интерпретировались как ножи для разделки и потрошения дичи (Семенов, 1957, с. 128; Ефименко, 1958, с. 238–244). Однако уже в 1980-х годах Н.Д. Прасловым на основе анализа комплекса Гмелинской стоянки была предложена интерпретация использования наконечников с выемкой в качестве метательных орудий. Праслов предположил, что такими наконечниками были оснащены стрелы (Праслов, 1982, с. 232–233). В дальнейшем эта гипотеза была подтверждена на основе изучения диагностичного макроизноса метательного происхождения, присутствующего на наконечниках с боковой выемкой восточнограветтских стоянок Авдеево и Гмелинская (Nuzhnyi, 1999, р. 196). Показательно, что на черешковых частях некоторых наконечников из Авдеево прослеживается сильный макроизнос, заставляющий предположить их использование в качестве острий стрел для луков, которые были намного мощнее обычных.

Факт использования наконечников с боковой выемкой в метательном оружии, но уже на основе изучения материалов верхнего слоя Костенок 1 наконечник признали и некоторые специалисты петербургской школы трасологии (Гирия, Леон, 2002, с. 183–185).

Публикуемая находка, непосредственно указывающая на применение наконечников с боковой выемкой, по мнению авторов, закрывает вышеупомянутую дискуссию. Шестое левое ребро мамонта (представлена верхняя его часть длиной 53 см) с застрявшим фрагментом наконечника прикрывается лопаткой, и в него можно попасть только сзади, и только когда животное двигается (рис. 1). Фрагмент острой части наконечника с боковой выемкой изготовлен на среднеширокой трехскатной пластинке и обработан дорсальной полукрутой мелкой ретушью, а со стороны пера — и вентральной плоской двухсторонней ее разновидностью (рис. 2). В пористую массу ребра он был углублен на 18 мм и зашел в него под углом около 45 градусов к плоскости последнего по отношению к линии горизонта. Повреждение на нем не является диагностичным и может быть отнесено к типу «snap fracture». Слом произошел на уровне компактной поверхности ребра (рис. 3).

Если предположить, что охотник стоял, а мамонт стоял или перемещался, то животное получило выстрел или удар под лопатку почти в упор сзади с расстояния около одного метра. До полутора метров дистанция удара может быть увеличена, если предположить, что охотник находился чуть ниже, например сидел в засаде. Если же рассматривать вариант, когда мамонта, лежащего на земле, просто добивали, то успешный выстрел или удар под лопатку можно было произвести приблизительно с расстояния двух с половиной метров.

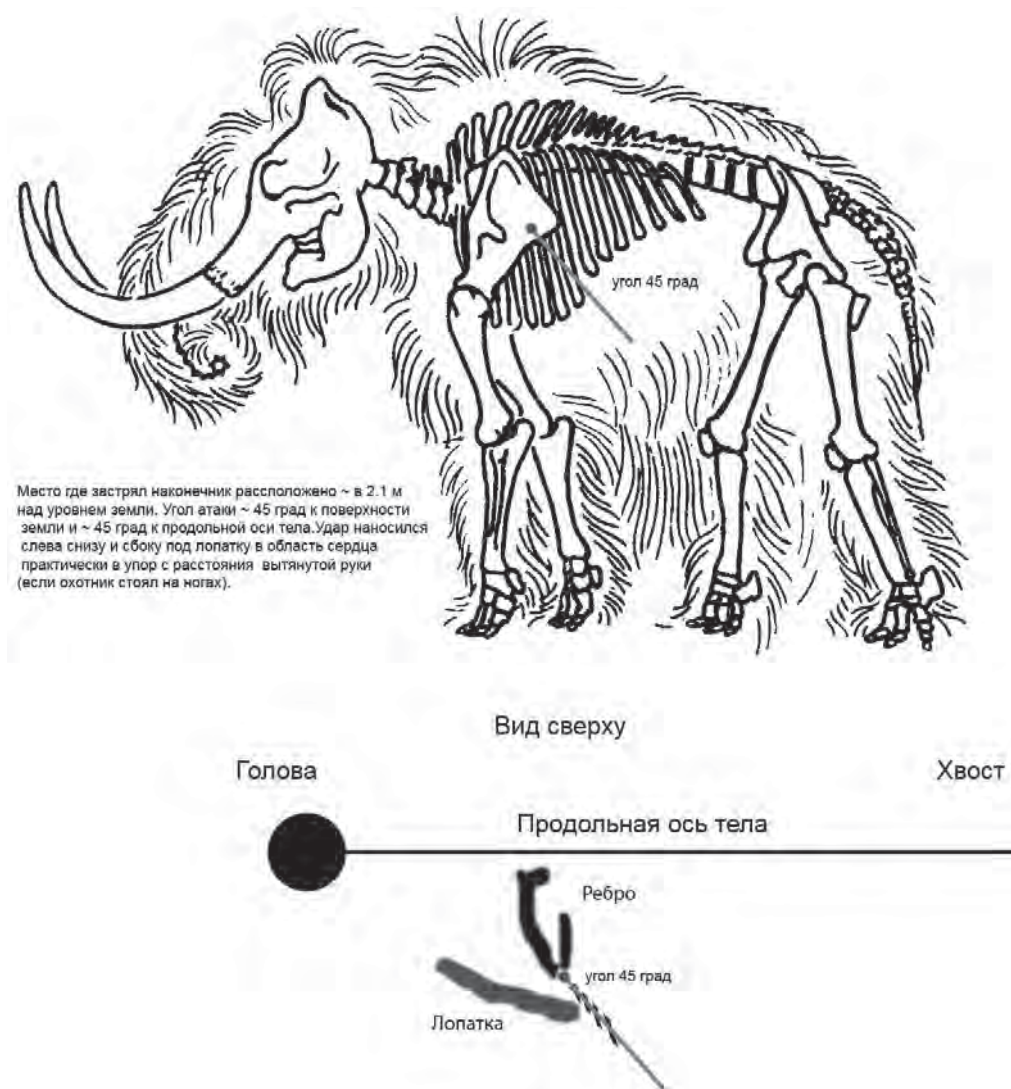

Рис. 1. Схема тела мамонта с изображением места попадания наконечника

Таким образом, на данном этапе развития наших знаний существование активной охоты на мамонтов верхнепалеолитическим населением Евразии не вызывает сомнений. Проблема связана с обсуждением методов ее осуществления и орудий, которые при этом использовались. В целом их можно разделить на несколько групп.

Теория использования рельефов местности и специально выкопанных ям

Охота на животных с использованием наличного рельефа местности является аксиоматичной, учитывая многочисленные археологические свидетельства: от известного скалистого обрыва стоянки Солютре, используемого для охоты на лошадей, до мест загонных охот на бизона на Украине и в США. Использование ям на тропах вместе с настроженными само-

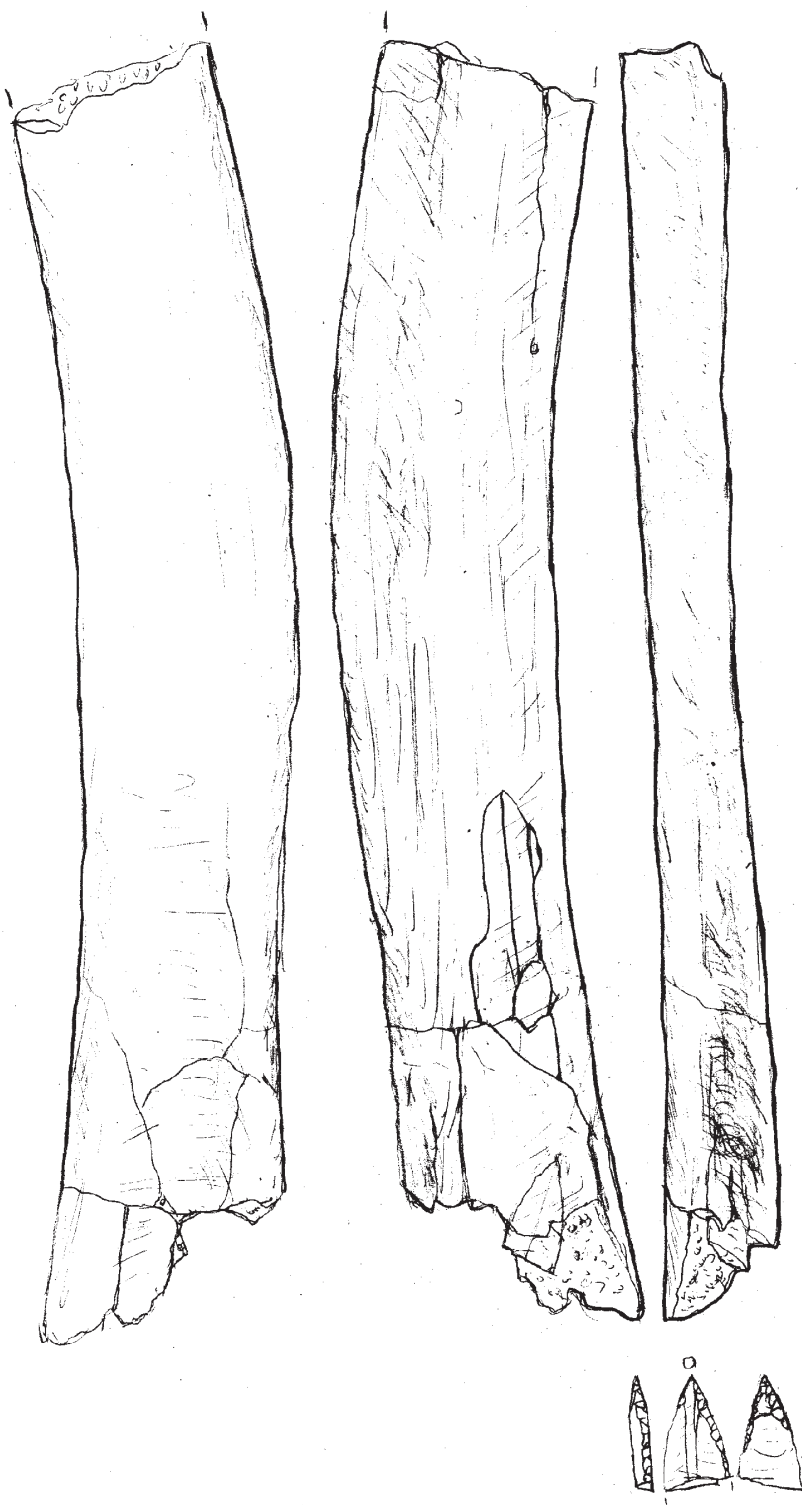

Рис. 2. Фрагмент нижней части ребра мамонта с застрявшей в нем боевой частью кремневого наконечника и сама острейная часть

Рис. 3. Фотография ребра с застрявшим фрагментом наконечника

стрелами для добычи таких достаточно крупных животных, как лоси, зафиксировано в сибирской этнографии (Симченко, 1976, с. 87–88; Гурвич, 1977, с. 34–35).

Что же касается возможности применения верхнепалеолитическим населением ям на тропах мамонтов, то, учитывая этнографические свидетельства охоты на африканских слонов, такая вероятность вполне допустима. По крайней мере подобные сцены присутствуют на гравюрах, оставленных европейскими путешественниками (Lindner, 1937), и, кроме того, подтверждены достаточно многочисленными доказательствами, происходящими из разных регионов Африки (Семенов, 1968, с. 284). Аргументы о том, что ловчие ямы невозможно было выкопать в условиях вечной мерзлоты (Залізняяк 2003, с. 48) опровергаются тем, что ямы в достаточном количестве имеются на стоянках возле «жилищ».

Использование рогатин

Применение рогатин для охоты на слонов также достаточно хорошо подтверждается этнографическими источниками по Африке. Удар наносился по животному спереди в район живота, так чтобы в результате движения происходило максимальное углубление орудия в тело жертвы (Семенов, 1968, с. 284).

Применение копий и дротиков

Использование этих орудий для охоты на толстокожих животных, включая мамонта, сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений. В верхнепалеолитических индустриях Восточной Европы и Северной Азии они типологически весьма разнообразны — от тяжелых моноклитных копий и дротиков, вырезанных из бивня мамонта «сунгирьского типа», до обыкновенных вер-

сий этих метательных орудий с деревянной рукоятью, но оснащенных достаточно массивными наконечниками из бивня или рога с боковыми лезвиями из микролитов.

Неоспоримым фактом, подтверждающим наличие активной охоты на мамонта верхнепалеолитическим населением, следует считать недавно обнаруженный позвонок мамонта из сибирского местонахождения Луговское в Западной Сибири с пробойной от двухпазового наконечника, оснащенного лезвиями из микропластин (Зенин и др., 2006, с. 41–51). Согласно данным исследователей, бросок легкого копья или дротика с помощью копье-металки был произведен снизу и спереди животного. По расчетам авторов, дистанция между охотником и мамонтом составляла около 2–5 м при броске стоя (вариант признается более предпочтительным) и не более 8 м при броске с колена (Зенин и др., 2006, с. 50). Следует также упомянуть боевую часть рогового однопазового наконечника с боковыми кремневым лезвием из кремневых микропластин, застрявшего в лопатке первобытного бизона со стоянки Кокорево 1 в Восточной Сибири (Абрамова, Гречкина, 1985, с. 44–51). Наконечник пробил насквозь кость, толщина которой в этом месте составляла около 1,6 см. Лопатка, как достаточно подвижная часть скелета, не является идеальным объектом для исследования методов охоты. Тем не менее, по мнению исследователей, удар копьем животному был нанесен сзади почти под прямым углом с высоты 1,5–1,6 м над уровнем земли с очень близкого расстояния (Абрамова, Гречкина, 1985, с. 45–46).

Другая находка, также позволяющая реконструировать методы охоты на крупных млекопитающих с помощью метательного оружия, оснащенного пазовыми наконечниками с боковыми вкладышами из кремневых микропластин, происходит из мезолитической стоянки Игрень 8 возле Днепропетровска на Украине. Остистый отросток 5–6 позвонка тура, пробитого двухпазовым наконечником, от которого остался ясно видимый отпечаток, был найден одним из авторов статьи. Этот артефакт послужил основой для картины-реконструкции охоты Л.Л. Зализняком и П.Л. Корниенко, выполненной в стиле Васнецова-Буриана: на фоне Игреньского поселения происходит добыча тура группой окруживших его в воде охотников (Зализняк, 1998, с. 96, рис. 32). Трасологическое изучение находки свидетельствует о выстреле, скорее всего, из лука с очень близкого расстояния, 3–4 м в случае положения охотника стоя, и 5–6 м, если он сидел на корточках (Нужный, 2008, с. 252–253). По отношению к продольной оси животного выстрел был произведен под углом около 90 градусов. Таким образом, здесь, скорее всего, имеет место достаточно убедительный случай охоты скрадом, когда зверя в условиях закрытых ландшафтов поджидают в засаде на тропе, ведущей к водопою.

Использование самострелов

По свидетельствам этнографов, это весьма эффективное оружие широко использовалось народами Сибири (Симченко, 1976, с. 87–88; Гурвич, 1977, с. 34–35). Самострел размещался на тропах животных или на краю ям,

выкопанных на них, а выпущенная из него стрела пробивала тело такого крупного животного, как лось, навывлет (Карлов, 1982, с. 12). Подобное оружие было эффективно в условиях закрытых ландшафтов, например зарослей деревьев или кустарников, существовавших, согласно данным пыльцевого анализа, на протяжении всего финального плейстоцена в долинах рек — местах водопоя животных.

Лук и стрелы как средства охоты на мамонтов

Эта тема является наиболее дискуссионной в современной литературе. В свете находки девяти микролитов, представленных серией служивших наконечниками стрел асимметричных трапеций, одним обломком прямоугольника и тронкированной пластиной среди фрагментов скелетов двух мамонтов на стоянке Шикаевка 2 в Западной Сибири, датированной 12–10 тыс. л.н., данная проблема может считаться решенной (Петрин, 1986, с. 23–34 ; Нужный, 2008, с. 141–142). Лук и стрелы, без всякого сомнения, использовались при охоте на хоботных, чему есть и дополнительные доказательства, полученные в результате последних исследований стоянок с позднеплейстоценовой фауной.

Подобные доказательства происходят с эпиграветтской стоянки Семенивка 2 в Киевской области, где фаунистические остатки представлены исключительно мамонтом. Костям животных здесь сопутствует выразительный набор микролитов с притупленным краем типа микрограветт и ланцетовидными их формами, использовавшихся в качестве наконечников стрел колющего типа (Нужный, 1997, с. 13–14). Рядом располагалась еще одна летняя стоянка охотников на мамонтов — Семеновка 3, где в фаунистическом комплексе кроме доминирующих мамонтовых остатков были найдены и отдельные кости других животных (волка, сайги и ближе не определимых оленьих). Этот комплекс содержит большое число микролитов с затупленным краем (ланцетообразных и типа микрограветт), аналогичных вышеупомянутым, на которых присутствует диагностичный макроизнос метательного характера. Подобный макроизнос указывает на то, что часть этих орудий использовалась к качеству наконечников стрел колющего типа (Нужный и др. 2000, с. 123–136).

Как косвенное свидетельство, подтверждающее использование верхнепалеолитическим населением лука и стрел для охоты на мамонта, можно привести целую серию наскальных изображений бушменов из Южной Африки, применявших это оружие, оснащенное разнообразными микролитическими наконечниками, для поражения слонов. Судя по мезолитической наскальной росписи из Джаоры в Индии, здесь охота велась коллективно, вместе с лучниками в охоте участвовали и люди, вооруженные копьями, элементы растительности использовались для маскировки охотников (Нужный, 2008, с. 170, рис. 24; 32).

Таким образом, согласно имеющимся археологическим и этнографическим данным, верхнепалеолитические охотники Евразии, подобно палеоиндейцам Северной Америки, могли осуществлять активную охоту на ма-

монтов. Они обладали всем набором метательного вооружения от тяжелых копий до легких дротиков, лука и стрел, а возможно, и самострелами. Это позволяло им эффективно поражать животных любого размера. Для охоты использовались элементы рельефа местности, другие ландшафтные условия, а также искусственно созданные сооружения в виде маскировочных заслонов и ям.

Что касается конкретной находки из Костенок 1, то здесь мы, скорее всего, имеем дело с использованием легкого копья или дротика, брошенного с очень близкого расстояния, хотя применение лука и стрел также не исключено. Это был не самострел, поскольку выверенный удар под лопатку в область сердца был достаточно точно рассчитан охотником. Несмотря на несмертельный характер ранения (попадание в ребро), животное все же было убито, что в какой-то мере позволяет говорить об участии в этом процессе других людей, т.е. о коллективной охоте.

Библиография

Абрамова З.А., Гречкина Т.Ю. Об охоте и охотничьем вооружении в позднем палеолите Восточной Сибири // КСИА. 1985. Вып 181. С. 44–49.

Бибиков С.Н. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования в палеолите // СА. 1969. № 4. С. 5–22.

Борисковский П.И. Палеолит Украины. М.; Л., 1953.

Ефименко П.П. Костенки 1. М.; Л., 1958.

Верецагин Н.К. Записки палеонтолога. М., 1981.

Гиря Е.Ю., Леон А.Р., Семенов С.А. Костенки, Палеолитоведение // Археологические вести. СПб., 2002. № 9. С. 173–190.

Гуревич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Труды Института геологических наук АН СССР. 1948. Вып. 64. С. 481–502.

Жермонпре М., Саблин М.В., Хлопачев Г.А., Григорьева Г.В. Палеолитическая стоянка Юдиново: свидетельство в пользу охоты на мамонтов // Хронология и периодизация и кросскультурные связи в каменном веке. СПб., 2008. С. 91–112. (Замятинский сборник. Вып. 1).

Зализняк Л.Л. Передісторія України X–V тис. до н.е. Київ, 1998.

Зализняк Л.Л. Мисливці на мамонтів: від екзотичних домислів до прозаїчних реалій // Кам'яна доба України. Київ, 2003. Вип. 2. С. 42–57.

Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев В.К., Грутес П.М., Надо М.-Х. Геохронология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 41–53.

Карлов В.В. Эвенки в XVII — начале XX в. М., 1982.

Нужный Д.Ю. Проблема сезонної адаптації фінальнопалеолітичних мисливців на мамонтів Середнього Подніпров'я і нові епігравецькі пам'ятки у басейні Трубежу // Археологія. 1997. № 2. С. 3–23.

Нужный Д.Ю., Ступак Д.В., Шидловський П.С. Палеолітичний комплекс Семенівки 3 та особливості весняно-літніх поселень межирічської культури в Середньому Подніпров'ї // Археологический альманах. Донецк, 2000. № 9. С. 123–136.

Нужный Д.Ю. Развитие микролитичной техники в кам'яному віці: удосконалення зброї первісних мисливців. Київ, 2008.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979 / Под ред. Н.Д. Праслова, А.Н. Рогачева. Л., 1982.

Петрин В.Г. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. Новосибирск, 1986.

Пидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969.

Праслов Н.Д. О времени изобретения лука // Тезисы докладов XI конгресса INQUA. М., 1982. Т. 2. С. 232–233.

Пучков П.В. К спору о плейстоценовом кризисе и «дикарях»-звероборцах // Биосфера. 2010. Т.2. № 3. С. 456–475.

Семенов С.А. Первобытная техника. Л., 1957. (МИА. № 54).

Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976.

Соффер О. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993. С. 101–109.

Frison G.C. Experimental use of Clovis weaponry and tools on African Elephants // American Antiquity. 1989. Vol. 54. No. 4. P. 766–784.

Lindner K. Die Jagd der Vorzeit. Walter de Gruyter. Berlin; Leipzig, 1937.

Nuzhnyi D. Technology of Projectile Points on Blages: Some Aspects of Origin and Fate // Tanged Points Cultures in Europe. Lubelskie Materially Archeologiczhne. Lublin, 1999. Т. XIII. Р. 194–201.

Praslov N. Outils de Chasse du Paleolithique de Kostenki // La Chasse Dans la Prehistoire. EAUL 51. P. 37.